

ИСТОРИЯ СОБРАНИЙ РУКОПИСЕЙ МОЛДО НИАЗА

©Акынбекова А. У., канд. филол. наук, Таласский государственный университет,
г. Талас, Кыргызстан, aimantmu@mail.ru

THE HISTORY OF THE MANUSCRIPT'S COLLECTIONS BY MOLDO NIYAZ

©Akynbekova A., Ph.D., Talas State University, Talas, Kyrgyzstan, aimantmu@mail.ru

Аннотация. Вопрос о существовании кыргызской письменности и литературного языка до советского времени все еще не нашел своего решения и до сих пор является открытой темой для обсуждения. Нет нации без письменности, при помощи письменности следующему поколению передается история, прошлое и опыт народа. В настоящей работе представлена информация об этапах формирования кыргызской письменности и литературного языка, о письменных произведениях, документах и письмах, написанных на одном из тюркских языков — кыргызском в досоветский период, особенно в XVIII–XIX вв. Также, дается оценка идеям, критике и мнениям о кыргызской письменности таких исследователей кыргызской культуры как А. Каныметов, С. С. Данияров, таких филологов–тюркологов как И. А. Батманов, К. К. Юдахин, С. Е. Малов, В. М. Плоских, Э. Тенишев, А. Нилло, Б. М. Юнусалиев, С. К. Кудайбергенов и Х. К. Карасаев. В данной работе была попытка определить даты найденных на сегодняшний день некоторых письменных произведений. Найденные документы и рукописи, относящихся к середине XIX века, создают большие возможности для лингвистики, для исследования, для идей и соображений о состоянии кыргызского языка как тюркского почти полуторавековой давности. Мы попытались предоставить наибольшую информацию на темы изучения и сбора произведений, характеризующихся как наиболее значительные документы, Молдо Нияза одного из первых представителей жазгыч акынов (читающие и записывающие поэты–импровизаторы). В связи с тем, что со стороны тюркологов–лингвистов не проводились необходимые работы и не были представлены доказательные документы о кыргызском письменном языке, то как результат сложилось мнение, что у кыргызов не существовал письменный язык, тем самым не существовал и литературный язык. Однако, и по сегодняшний день деятельность по сбору среди населения оригинальных экземпляров рукописей важных представителей жазгыч акынов, компиляция рукописей, их лингвистическое изучение все еще игнорируется. Подобного рода работы будут ценным и полезным источником для проведения больших текстовых научных исследований в области герменевтики.

Abstract. The issue of the existence of Kyrgyz literature and literary language prior the Soviet period has not yet been resolved and still remains an open topic for discussion. There is no nation without a writing system, the history; the past and experience of folk are presented to the next generation through written system. This paper provides information about the formation stages of Kyrgyz literature and literary language, written works, documents and letters written in one of the Turkic languages — Kyrgyz in the pre-Soviet period, especially in the XVIII–XIX centuries. Also, in this paper there are an assessment of ideas, criticism and opinions of Kyrgyz culture researches about Kyrgyz written system such as: A. Kanymetov, S. S. Danyarov, philologists turkologists: I. A. Batmanov, K. K. Yudakhin, S. E. Malov, V. M. Ploskikh, E. Tenishev, A. Nallo, B. M. Yunusaliev, S. K. Kudaibergenov and Kh. K. Karasaev. In this study we attempted to determine the creation dates of some written works found today. The found documents and

manuscripts, relating to the middle of the XIX century, create more opportunities for linguistics' study, for ideas and suggestions on the status of the Kyrgyz language as being Turkic of almost sesquicentennial prescription. We tried to provide the most information on the topics of study and collection of works, characterized as the most significant documents of Moldo Niyaz — one of the first representatives of 'zhazgych akyn's' (reading and chronicling improvising poets). The fact that the turkologists linguists did not carry out the necessary works and did not present documentary evidence of the Kyrgyz written language results to the opinion of non-existence of Kyrgyz written language, thus literary language. However, to the present day the activities of collection of the original manuscript's copies of 'zhazgych akyn's' important representatives among the public, a compilation of manuscripts, and their linguistic studies are still ignored. This kind of work will be a valuable and useful resource for large text research in the field of hermeneutics.

Ключевые слова: Октябрьская революция, кыргызский литературный язык, нация, рукописи, письма, документы, устная литературная поэзия, рукописный фонд, алфавит.

Keywords: October Revolution, Kyrgyz literary language, nation, manuscripts, letters, documents, verbal literary poetry, manuscripts fund, alphabet.

Постановку вопроса о наличии кыргызской письменности и, следовательно, литературного языка до октябрьской революции, можно считать, по меньшей мере, антилогичной и необоснованной. Потому как одним из признаков языковой нормы считается ее объективность, т.е. норма изначально заложена в языке того или иного народа, но имеет разную форму выражения. Несмотря на это бытуют однобокие мнения относительно того, что письменной культуры древних кыргызов по сути не существовало. Например, как утверждает А.Каниметов, кыргызское устное народное творчество включает в себя свыше десяти тысяч эпических произведений, разные ситуации и важные события жизнедеятельности общества передавалось из уст в уста, так как кыргызы не владели письменной грамотой. До октябрьской революции не было ни одной книги или газеты, вышедшей в свет на кыргызском языке, более того вся народная масса была безграмотной [7, с. 290].

Отмечая наличие редких рукописей в начале XIX века, принадлежавших акынам, владевшим письменной грамотой, С. С.Данияров излагает свое мнение о кыргызской письменности следующим образом: «Бытуют необоснованные, неаргументированные мнения местных ученых относительно того, что письменность кыргызского народа до октябрьской революции имела место. Здесь важно разделять понятия письменность и письменный язык. Так как до октябрьской революции тюркские народы Средней Азии и Казахстана и некоторые другие тюркские народы в разной степени адаптировали арабский алфавит к своим языкам, но названный алфавит не отражал фонетических, лексических и других особенностей этих языков. В основном арабской графикой пользовались представители религиозных кругов. Письменная культура была недостижима для широкой народной массы. В силу отсутствия письменности и как результат этого письменной литературы, основное место в жизни народа занимало богатое по жанру и форме устно-поэтические произведения» [5, с. 60].

Иного взгляда придерживаются ученые-тюркологи по данному вопросу. Например, как было отмечено в своё время И. А. Батмановым, до октябрьской революции у кыргызов была письменность, но эта графика не отражала характерных особенностей кыргызского языка [3, с. 56]. Аналогичные мнения высказывались и другими исследователями. В введении «Русско-кыргызского словаря» К. К. Юдахина говорится, что до Октябрьской революции

ограниченное число грамотных кыргызов (их было мало) пользовались очень плохо адаптированным алфавитом и подражали в письме языковым канонам литературного языка, который назывался чагатайским [18, с. 8]. Подобные мнения встречаются и в трудах С. Е. Малова [11, с. 99].

В. М. Плоских и С. К. Кудайбергенов изучив в 1968 г язык официальных деловых бумаг, отметили, что в дореволюционный период кыргызы, как и многие другие тюркские народы Средней Азии, ограниченное количество деловых бумаг и свои родословия писали с помощью арабского алфавита на староузбекском (чагатайском) языке [11, с. 75]. В 1970 г, изучая в историческом плане кыргызскую орфографию, Х.К.Карасаев приходит к мнению о том, что с первых дней использования кыргызами арабской графики до октябрьской революции помимо деловых бумаг и литературных произведений изданы даже несколько книг [8, с. 73].

В своё время у тюркологов было недостаточно научных фактов и аргументов в пользу доказательства существования кыргызской письменности. И в силу политической атмосферы того времени среди ученых, исследовавших историю культуры кыргызов, бытовали устоявшиеся взгляды касательно отсутствия письменности и письменного языка кыргызов. Не вызывают споров и исторические факты о том, что колониальная политика царской России и местных феодальных правителей была направлена исключительно на эксплуатацию народной массы, никаких мер и действий по развитию культуры местного населения не предусматривалось и не предпринималось. Следовательно, исключались книгопечатание, выпуск газет, обучение в школах на родном языке [19, с. 72].

Следует отметить, что исламская религиозная культура в определенной мере сыграла историческую роль в появлении и становлении кыргызской рукописной литературы, которая берет свое начало с религиозных произведений акынов XIX века (Молдо Нияз (1823-1900), Тоголок Молдо (1860-1942), Молдо Кылыч (1866-1917), Токторалы Талканбаев (1869-1942), Алдаш Молдо (1874-1930), Белек Солтоноев (1878-1937), Шамей Токтобаев (1880-1981), Ысак Шайбеков (1880-1957), Молдо Багыш (1888-1937), Абылкасым Жутакеев (1888-1933), Токтогазы Жусупбеков (1864-1933), Казыбек Мамбетимин (1901-1936). Но произведения вышеотмеченных акынов носили в основном религиозный характер. В силу тоталитарной идеологии их произведения были под запретом, а поэтому многие из них не были объектами исследований, тем более обнародования. Например, произведения некоторых акынов-заманистов (Молдо Нияз, Казыбек, Алдаш Молдо, Молдо Кылыч и др.) преподносились как антинародные произведения. Под влиянием идеологической атмосферы ряд акынов, владеющих письмом (Т. Талканбаев, А. Жутакеев, Тоголок Молдо, Ысак Шайбеков и др.), были вынуждены сознательно подстраивать свое творчество под господствующую в то время идеологию [6, с. 20]. Можно предположить, что после 50-х годов объектами активных исследований были произведения только некоторых (Т. Талканбаев, А. Жутакеев, Тоголок Молдо, Ысак Шайбеков и др.) из вышеупомянутых акынов. Что касается других крупных представителей акынского творчества, таких как Молдо Нияз, Молдо Кылыч, Алдаш Молдо, Токтогазы Жусупбек уулу, Молдо Багыш, Ысмаил Сарыбаев и др., то не сохранились не только их рукописи, но даже их биографические данные. Попытки ученых собрать материал об их творчестве и исследовать произведения акынов-заманистов подвергались политическим гонениям и репрессиям. Исследование Тазабека Саманчина о жизни и творчестве яркого представителя акынов-заманистов Молдо Кылыча по своей теоретической ценности и точности литературного анализа стоит у истоков исследований творчества акынов. Но за такое исследование он был репрессирован. Такая потеря, в свою очередь, не

могла не сказаться негативно на развитии литературоведения в правильном направлении [6, с. 20].

Следует отметить и роль Болотбека Исабекова, который в течение более чем десяти лет, рискуя жизнью, собирал поэтические произведения Казбека Мамбетимина. В 1986 г он передал их в фонд рукописей Национальной академии наук Кыргызской Республики [9, с. 4]. Наряду со многими акынами особое место занимает Молдо Нияз, произведения которого были посвящены историческим событиям, таким как покорение Чимкента и Ташкента (1865), побег ферганских кыргызов в Сары-Кол от Кудаярхана (1845-1858), кроме этого им были созданы рукописные книги, в которых рассказывается об отношении правителя Кашгара Якуб-бека к кыргызским беженцам. Все упомянутые выше исторические письменные памятники Молдо Нияза в 1950 г были переданы Б. М. Юнусалиевым в фонд рукописей Национальной академии наук Кыргызской Республики, за что ученый подвергся политическим гонениям.

Несмотря на подобные трудности стремления кыргызского народа к духовной культуре, к научным начинаниям, к знаниям полностью отрицают ложные мнения об отсутствии письменности и литературного языка кыргызского народа до октябрьской революции. В этой связи академик В.В.Виноградов отмечал, что освоение литературного языка тесно связано с освоением самой литературы [3, с. 56]. А по мнению Э. Тенишева, для существования литературного языка необходимо наличие текстов, т.е. совокупность текстов в каком-нибудь конкретном языке определяет богатство литературного языка [15, с. 494]. Если исходить из данного мнения, то подобные тексты издавна существовали в кыргызском языке, так как в составе конфедерации с другими тюркскими народами и кыргызы имели письменную культуру. Например, имеются факты о том, что печатная литография классика тюркской литературы А. Навои (1441-1501) была найдена именно в Кыргызстане. Не вызывают споров и такие очевидные факты, что наряду с другими тюркскими народами кыргызы считаются продолжателями культуры Караханидского государства, более того отдельные письменные памятники без всякого преувеличения имеют мировое значение: Жусуп Баласагын (1069 г.) «Кутадгу билиг», Махмуд Кашгари (1084 г.) «Диван лугат ат-турк». Они поистине являются духовным наследием для тюркских народов, в том числе и кыргызского.

Что касается рукописей XVIII-XIX веков, то к ним можно отнести ряд рукописных текстов, деловых бумаг, писем, к примеру, первое письмо кыргызов Российской империи, написанное Атаке батыром [12, с. 75]. Данное письмо написано арабской графикой 23 августа 1785 г, т.е. это доказывает, что в середине XVIII века кыргызы пользовались арабской письменностью. Более ранний документ был написан в 1847 году, это был дружеский договор между северными кыргызами и большим джузом казахов [12, с. 75].

Помимо этого сохранились и другие письма — письмо кыргызского бия Олжобая Акымбека и старшины Мамбета Уметова генералу-губернатору Западной Сибири, написанное 5 августа 1825 г, письмо кыргызского бия Шерали и его сына Алгачы, написанное в Ак-Су на имя генерала-губернатора Западной Сибири 9 апреля 1827 г, а также тексты присяги 1827, 1855 годов племени Бугу, связанные с вхождением их в состав Российской империи [15, с. 499].

В 1930 году Э.Тенишев отметил, что были найдены рукописные тексты в южном Кыргызстане [15, с. 495], в эти же годы А. Нилло указывает на наличие таких же рукописных текстов на Памире [1, с. 5].

Поисками подобных письменных памятников в 50-60 годы занимается Ж. Ш. Шукуров [16, с. 69], а после него непосредственно исследованием рукописных текстов занимаются крупные ученые-языковеды К. К. Юдахин, Б. М. Юнусалиев и Х. К. Карасаев [15, с. 495].

Что касается печатных текстов, которые несомненно были выражением литературного языка того времени, то в первую очередь упоминаются произведения акынов, которые владели арабской письменностью: «Кысса-и зилзала» («Поэма о землетрясении»), изданная в 1911 году в Казани, спустя два года, т.е. в 1913 году, в Уфе издано произведение под названием «Мухтасар тарих кыргызия» («Краткая история кыргызов»), и в 1914 г выходит в свет «Тарих кыргыз Шабдания» («История Шабдана кыргыза»). Кроме названных выше произведений были собраны и другие рукописные тексты, к примеру, в 1976 г на территории южного Кыргызстана обнаруживается грамматический трактат известного поэта и ученого Абдурахмана Жами (1414-1492). В народе были известны и другие произведения Жами, такие, например, как поэма «Нафахат ал-унс», повествовавшая о жизни известных суфиев, и поэма «Силсилат аз-закаб» («Золотая цепь»), посвященная правителю Герата Султану Хусейну Байкара. Эти произведения изданы в 1893 году в Канапуре на фарси [10, с. 91].

Подробнее остановимся на произведениях Молдо Нияза, написанных на южном диалекте кыргызского языка с элементами чагатайского письменного языка.

Относительно рукописей Молдо Нияза высоко отзывался в свое время Б. М. Юнусалиев: «Как письменный памятник эти рукописи бесценны в процессе изучения особенностей кыргызского языка в середине XIX века, в этом смысле данные рукописи имеют огромную историческую значимость» [21, с. 72].

В 1951 г во время поиска рукописей Молдо Нияза Б. М. Юнусалиев встречает жителя Охны Байта Исманалиева, который рассказал о том, что в недалеком прошлом айльчане собирались, и один из них, кто знал арабский алфавит, читал остальным произведения Молдо Нияза. Стихи акына состояли из трех тетрадей, в которых повествовались события автобиографического характера, т.е. акын рассказывал о тех местах северного Кыргызстана, где он сам побывал, в других же стихах он высмеивал торговцев-спекулянтов. Некоторые старцы были уверены в том, что данная рукопись была оригиналом, по мнению других, тетради были копиями, переходящими из рук в руки [21, с. 178].

Б. М. Юнусалиев с помощью Азиза Токонбаева находит эти тетради и передает в фонд рукописей института языка и литературы Национальной академии наук Кыргызской Республики [21, с. 78]. Касательно состояния первой тетради Б. М. Юнусалиев пишет следующее: «Вот перед нами лежит желтоватая толстая тетрадь 18-10 сантиметров. Кожаный переплет, кажется, выдержал испытание временем. Но все-таки края страниц потеряли былую форму, в которых тексты были написаны распространенным в Средней Азии способом письма и черными чернилами, которые со временем стирались. Состоит из тридцати четырех листов, и каждая страница начинается с последнего слова предыдущей страницы, нами было выявлено отсутствие нескольких страниц после 62 страницы. Стихи состоят из семи-восьми строк, на каждой странице находятся по 2-3 стиха, в итоге мы имеем рукопись из 68 страниц, состоящую из свыше 2000 строк. Последняя 68 страница была написана более густыми чернилами, возможно, другим почерком. Нигде в тетради не указаны имя автора либо имя того человека, который переписывал данную рукопись» [14, с. 79].

Вторая рукописная книга Молдо Нияза была взята Сыдыкбаевым Камбарбеком в 1962 г у муллы Эрмека, жителя Ошской области Кадамжайского района села Кызыл-Булак. Неизвестно, как К.Сыдыкбаев передал данную книгу: собственноручно или через почту. Адрес написан карандашом: Иссык-Кульский район, село Таштак колхоз 22 партсъезда. И вторая рукописная книга передана в фонд рукописей Б. М. Юнусалиевым [14, с. 7]. На каждой странице второй книги (формат: 17,5 x 10,5 см.) написаны по 10-11 строк в стихотворной форме, буквы которых были с элементами каллиграфии. Данная книга состоит

из 116 страниц, в некоторых местах имеются повторения стихов первой книги. Утеряны страницы в начале и в конце книги [14, с. 11].

Была найдена и третья книга, по этому поводу Аманулло Азимов говорит следующее: «Эта книга осталась от моего отца, который в свое время окончил медресе. А во времена ликбеза он даже работал учителем. Мы из села Бугу Чон-Алайского района. После отец поехал в Узбекистан и жил в селе Миндон, работал чабаном в колхозе. В эти годы он часто ездил к своему свату в Кыргызстан, село Олон-Терек Фрунзенского района. Отец умер в 1980 г в возрасте восьмидесяти лет. До конца своих дней он никому не показывал, тем более не отдавал эту книгу. Читал в одиночку, иногда давал и мне почитать. Хозяином этой книги был житель Ак-Суу, который умер много лет назад. Отец рассказывал, что сначала книга была у басмачей, после их разгрома книга, переходя из рук в руки, оказалась у него. Честно говоря, после смерти отца я не относился к книге с почтением, как это делал отец. Давал всем, кто просил почитать. Бывало так, что некоторые из них вырывали листы, в которых были понравившиеся им стихи. Я даже на это не обращал внимания. В итоге толстая книга стала тонкой, и в ней осталось тридцать шесть страниц. Отец находит книгу в 1934-35 годах, а я родился в 1942 г. Не помню даже имени хозяина этой книги. Помню, что он живет на побережье реки Ак-Су. Выяснилось, что это село Кызыл-Булак в совхозе Кадамжай Фрунзенского района. Оказывается, отец имел ввиду это село. Возможно, хозяин книги жил в этом селе» [14, с. 81].

Данная рукопись передана Аманулло Азимовым директору института языка и литературы А.Эркебаеву, который, в свою очередь, 17 октября 1988 г передал ее в фонд рукописи под инвентаризационным номером 147 [14, с. 160]. Относительно этой книги О. Сооронов писал следующее: «На каждой странице было написано по два столбика по арабской поэтической традиции. Написаны стихи черными чернилами, общий объем книги составляет 75 страниц. По традиции арабской графики в конце страницы последние слова повторялись дважды. Так как не было нумерации страниц, было очень трудно упорядочить их последовательность. Тем более было очевидно, что некоторые страницы были утеряны» [14, с. 11].

Помимо этого в фонде рукописей находится письмо Молдо Нияза, состоящее из 117 строк под инвентаризационным номером 644, переданное в 1974 году вместе с материалами, собранными С.Закировым, П.Ирисовым и Ж.Мусаевой. Письмо было передано Айдаром Сулаймановым [14, с. 160]. В 1997 г в 41 номере газеты «Кыргыз руху» Э. Эрматовым опубликованы отрывки из ныне не зарегистрированной в архиве поэмы Молдо Нияза «Дил Шикаста Асий». Э. Эрматов эту находку объясняет следующим образом: «В селе Кок-Талаа проживает Мамажунусов Жолон, который рассказал мне о том, что у него есть стихи Молдо Нияза. Оказывается, он успел еще написать транскрипцию этих стихов на кириллице, которую предложил мне прочесть. Я конечно, обрадовался и спросил об оригинале, на что он ответил, что после юбилея Молдо Нияза он отдал ее младшему брату Иманбеку, как позже выяснилось, он передал А. Эркебаеву. Сразу же по приезду в Бишкек я позвонил А. Эркебаеву насчет рукописи. Он сказал, что рукопись у него дома. Рукопись была переписана по арабскому летоисчислению в 1852 г муллою по имени Муса. Объем книги составляет 50 страниц. Книга была оставлена родственникам жены Мамажунусова Жолона человеком, которого звали Кашекчал из Каратегина. Спустя годы книга оказалось под подушкой сына Жолона. Оказывается её передала жене Жолона мать как в наследство и сказала хранить под подушкой сына» [17, с. 8]. Таким образом последние найденные стихи были опубликованы в газете «Кыргыз руху».

По неуточненным данным, четыре рукописные книги акына, возможно, находятся у кыргызов, проживающих в Китае, Узбекистане и Таджикистане [2, с. 77]. Это даёт основание считать, что наверняка есть еще не найденные стихи Молдо Нияза. Как отмечено выше, исторические рукописи как духовное наследие должны изучаться с разных аспектов, а их поиски не должны прекращаться. Так как письменные памятники, в частности — если говорить о текстах, написанных в XV-XIX веках, отражают мировоззрение, культурную, религиозную, социальную атмосферу, в которой жили кыргызы той эпохи [18, с. 8]. И это прямое доказательство существования кыргызской письменности и литературного языка в дореволюционный период.

Список литературы:

1. Ниалло А. По горным тропам. Памирские путевые заметки. М. 1933. С. 5.
2. Акматов О. С. Возрождение духовных ценностей и национальной идеологии, эстетических проблем, этики, в произведениях Молдо Нияза. Бишкек. 1998. 77 с.
3. Батманов И. А. Кыргызский язык и письменность до образования кыргызской нации // Формирование и развитие кыргызской социалистической нации. Фрунзе. 1967. 56 с.
4. Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М. 1967. С. 100-101.
5. Данияров С. С. Становление кыргызской советской культуры (1917-1924). Фрунзе, 1983. 60 с.
6. Жунушова Г. Историко-эпистемологическая динамика кыргызской литературной критики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. №. 6-2.
7. Каныметов А. Культура возрожденного к новой жизни кыргызского народа. Развитие социалистической культуры в союзных республиках. Бишкек. 1962. 290 с.
8. Карасаев Х. К. Из истории кыргызской орфографии // Тюркологические исследования: сборник статей, посвященный 80- летию акад. К. К. Юдахина. Фрунзе. 1970. С. 73.
9. Көлбаева К. М. Особенности идейно-тематических литературных наследий Казбек акына: автореф дис. ... канд. филол. наук. Бишкек. 2005.
10. Маанаев Э., Плоских В. М. На крыше мира. Фрунзе. 1983. С. 90-91.
11. Малов Е. С. К истории казахского языка // Известия АН СССР. 1941. №3. С. 99-100.
12. Плоских В. М., Кудайбергенов С. К. Ранние кыргызские письменные документы // Известия АН Кыргызской ССР. 1968. №4. С. 75.
13. Плоских В. М. Первые кыргызско-русские посольские связи (1784-1827). Фрунзе. 1970.
14. Сооронов О. Молдо Нияз «Санат дигарастар». Бишкек. 1993.
15. Тенишев Э. Кыргызы Т. 2. Бишкек. 1993. 494 с.
16. Шукуров Дж. Ш. Из истории кыргызского языка // Труды Института языка литературы и истории. 1952. С. 69-72.
17. Эрматов Э. Нашлись песни Молдо Нияза // Кыргыз руху. 1989. №41. 17-25-мая.
18. Эркебаев А. О литературном наследии дореволюционного кыргызского народа // Культура Кыргызстана. 1988. №30 (1112).
19. Юдахин К. К. Итоги и задачи изучения кыргызских диалектов // Тр. Ин-та яз. и лит. 1956. Вып. 6. С. 47-54.
20. Юдахин К. К. Кыргызско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия. 1965. 974 с.
21. Юнусалиев Б. М. Отражение диалектных особенностей в санатах Молдо Нияза // Тюркологические исследования: Сб. ст. посвящ. 80-летию акад. К. К. Юдахина. Фрунзе. 1970. С. 48-72.

References:

1. Niallo, A. (1933). Po gornym tropam. Pamirskie putevye zametki. Moscow.
2. Akmatov, O. S. (1998). Vozrozhdenie dukhovnykh tsennostei i natsional'noi ideologii, esteticheskikh problem, etiki, v proizvedeniyakh Moldo Niyaza. Bishkek.
3. Batmanov, I. A. (1967). Kirgizskii yazyk i pismennost' do obrazovaniya kirgizskoi natsii. In *Formirovanie i razvitie kirgizskoi sotsialisticheskoi natsii*. Frunze.
4. Vinogradov, V. V. (1967). Problemy literaturnykh yazykov i zakonomernostei ikh obrazovaniya i razvitiya. Moscow. 100-101.
5. Daniyarov, S. S. (1983). Stanovlenie kirgizskoi sovetskoj kul'tury (1917-1924). Frunze.
6. Zhunushova, G. (2018). Istoriko-epistemologicheskaya dinamika kyrgyzskoi literaturnoi kritiki. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, (6-2).
7. Kanymetov, A. (1962). Kul'tura vozrozhdennoho k novoi zhizni kirgizskogo naroda. In *Razvitie sotsialisticheskoi kul'tury v soyuznykh respublikakh*. Bishkek.
8. Karasaev, Kh. K. (1970). Iz istorii kyrgyzskoi orfografii. *Tyurkologicheskie issledovaniya: sbornik statej, posvyashchennyi 80- letiyu akad. K. K. Yudakhina*. Frunze.
9. Kõlbaeva, K. M. (2005). Osobennosti ideino-tematicheskikh literaturnykh nasledii Kazbek akyna: avtoref dis. ... kand. filol. nauk. Bishkek.
10. Maanaev, E., & Ploskikh, V. M. (1983). Na kryshe mira. Frunze. 90-91.
11. Malov, E. S. (1941). K istorii kazakhskogo yazyka. *Izvestiya AN SSSR*, (3). 99-100.
12. Ploskikh, V. M., & Kudaibergenov, S. K. (1968). Rannie kirgizskie pis'mennye dokumenty. *Izvestiya AN Kirgizskoi SSR*, (4). 75.
13. Ploskikh, V. M. (1970). Pervye kirgizsko-russkie posol'skie svyazi (1784-1827). Frunze.
14. Sooronov, O. (1993). MoldoNiyaz "Sanat digarasttar". Bishkek.
15. Tenishev, E. (1993). Kyrgyzy T. 2. Bishkek. 494 s.
16. Shukurov, Dzh. Sh. (1952). Iz istorii kirgizskogo yazyka. *Trudy Instituta yazyka literatury i istorii*, 69-72.
17. Ermatov, E. (1989). Nashlis' pesni MoldoNiyaza. *Kyrgyz rukhu*, (41). 17-25-maya.
18. Erkebaev, A. (1988). O literaturnom nasledii dorevoljutsionnogo kyrgyzskogo naroda. *Kul'tura Kyrgyzstana*, 30(1112).
19. Yudakhin, K. K. (1956). Itogi i zadachi izucheniya kirgizskikh dialektov. *Tr. In-ta yaz. i lit*, 6. 47-54.
20. Yudakhin, K. K. (1965). Kirgizsko-russkii slovar'. Moscow.
21. Yunusaliev, B. M. (1970). Otrazhenie dialektnykh osobennostei v sanatakh Moldo Niyaza. *Tyurkologicheskie issledovaniya: Sb. st. posvyashch. 80-letiyu akad. K. K. Yudakhina*. Frunze. 48-72.

Работа поступила
в редакцию 14.02.2020 г.

Принята к публикации
19.02.2020 г.

Ссылка для цитирования:

Акынбекова А. У. История собраний рукописей Молдо Нияза // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. №3. С. 591-598. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/52/71>

Cite as (APA):

Akynbekova, A. (2020). The History of the Manuscript's Collections by Moldo Niyaz. *Bulletin of Science and Practice*, 6(3), 591-598. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/52/71> (in Russian).

